

IV

"ПОРВАЛАСЬ ЦЕПЬ ВЕЛИКАЯ..."

В то время все общественные вопросы в России сводились к крестьянскому вопросу - к борьбе за отмену крепостного права. После Крымской войны страх перед нараставшим крестьянским движением в стране вынудил правительство Александра II вступить на путь реформ и подготовки отмены крепостного права? Еще в 1857 году был образован секретный комитет, положивший начало подготовке реформы.

В те годы два политических направления противостояли друг другу в русской жизни. Одно из них представляли крепостники и либералы, заботившиеся прежде всего о соблюдении помещичьих интересов и допускавшие возможность половинчатых реформ только ради того, чтобы избежать худшего, то есть революции.

Сторонниками второго направления выступали революционные демократы, лагерь "Современника" во главе с Чернышевским, Добролюбовым и Некрасовым; они выражали интересы закабаленных масс, отстаивали идею безвозмездной передачи помещичьей земли крестьянам, свободного развития крестьянского земледельческого хозяйства. В одном из обращений "От редакции" (1858, №4), написанном Некрасовым совместно с Чернышевским, говорилось: "Все внимание России устремлено теперь на дело отмены крепостного права, начатое волею государя-императора".

Но шли годы, заседали разные комитеты, а объявление крестьянской реформы все откладывалось. Первоначальные надежды на новый курс правительства, который будто бы обновит страну, разрушались на глазах. Разногласия между либералами и демократами обострялись. Реакционная сущность политики Александра II становилась все более очевидной. Автор известного письма, присланного Герцену за подписью "Русский человек" и опубликованного в "Колоколе" 1 марта 1860 года, категорически утверждал: "Посмотрите, Александр Второй скоро покажет николаевские зубы... К топору зовите Русь". Предполагают, что автором этого письма был Чернышевский, - Или, может быть, Добролюбов. И во всяком случае, их единомышленник.

Деятели "Современника", отказавшись к тому времени от каких-либо иллюзий, поняли, что реформа готовится руками крепостников и в интересах помещиков. Например, Добролюбов, критикуя в письме к писателю Славутинскому непоследовательность его позиции, писал: "Точно будто в самом деле верите вы, что мужикам лучше жить будет, как только Редакционная комиссия кончит свои занятия..." Не очень-то верил в реформы и народ, во всяком случае, число крестьянских волнений в стране возрастало по мере приближения "воли". В это время в условиях жестоких преследований со стороны цензуры в некрасовском "Современнике" появились лучшие статьи Добролюбова, в которых шла речь о скрытых силах народа, о необходимости пробуждать его к действию, об отношениях между народом и демократической интеллигенцией, о приближении революционных событий. В статьях Чернышевского ("Июльская монархия", "Антропологический принцип в философии") поднимались острые политические вопросы, получало философское обоснование материалистическое мировоззрение революционной демократии.

Какие журналы того времени могли бы похвалиться такими авторами, таким уровнем критики и публицистики? А в других отделах "Современника" печатались сатиры Салтыкова-Щедрина, деревенские рассказы Н. Успенского, очерки М. Михайлова, ставшего постоянным сотрудником журнала, и, конечно, стихи Некрасова.

Не удивительно, что один из цензурных чиновников, ознакомившись с книжками журнала за первые месяцы 1860 года, обнаружил в них "потрясение основных начал власти монархической, ... возбуждение ненависти одного сословия к другому".

С другой стороны, журнал приобретал все большую популярность среди демократических читателей. Тираж его возрастал год от году.

Некрасовские стихи этого времени полностью соответствовали общему духу и направлению "Современника". Разнообразны их темы, но почти в каждом стихотворении угадывается настроение горечи, затаенного гнева, тревожного ожидания. Мысль поэта постоянно привязана к деревне, к тяжбой жизни крестьянства. Вот трагический в своей реальности "Плач детей". Тема его подсказана одноименным произведением английской поэтессы Э. Б. Браунинг, но во всем остальном это совершенно самобытное произведение. Некрасов и сам указал, что он "очень мало держался подлинника". И мы вправе видеть в этих стихах едва ли не единственную в русской поэзии картину рабского труда детей, "измученных в неволе", на примитивных крепостных фабриках, каких тогда было уже немало {В английском стихотворении речь шла о детском труде на шахтах.}:

Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим - вертим - вертим!

Духом осуждения крепостничества, дикости крепостного быта веет и от других стихов 1860 года, в том числе сатирических. Так, в сатире "Первый шаг в Европу", напечатанной в "Свистке" (раздел "Современника", который вел Добролюбов), описана некая русская барыня, оказавшаяся в берлинской гостинице (можно предполагать, что Некрасов имел в виду какой-то известный ему "случай), Забыв, что она не в своем отечестве, помещица ударила горничную Луизу, а та взамен оттаскала ее за волосы. Вот какая свобода в Европе! После этого расстроенный супруг замечает, что было бы лучше "в деревне девок стричь да надирать виски безгласному холопу!".

Несмотря на анекдотичность сюжета и веселые интонации, цензура не ошиблась в оценке стихотворения: его смысл увидели в том, чтобы "уронить наших помещиков" и указать на "ненормальное положение отечества". Предреформенным настроением рождено стихотворение "Знахарка", На этот раз точно известно от самого Некрасова, что в основе стихотворного рассказа лежит подлинный случай, о котором ему поведал некий "умный мужик". Безошибочно сбываются самые мрачные предсказания деревенской колдуньи; они наводят страх на односельчан: "Радостей мало - пророчит все горе". Секрет знахарки разгадал "старый мужик Пантелей": жизнь деревни полна горя и печали, поэтому и нетрудно предсказать беду, ошибки быть не может, хорошего не жди. Поняв это, Пантелей отказывается от гаданья:

Ты нам тогда предскажи нашу долю,
Как от господ отойдем мы на волю!

Ради этих двух строк Некрасов и написал "Знахарку" со слов "умного мужика", И надо сказать, что не только "умный мужик" (он-то, видимо, и назван в стихах Пантелеем), но и сам поэт был бы не прочь узнать от знахарки, какова же будет доля деревни после объявления долгожданного манифеста.

Впрочем, Некрасов на этот счет не обольщался. В стихах, обращенных к Тургеневу, он назвал предстоящие реформы "лучом сомнительного света". Но он знал - народ еще надеется, с нетерпением ждет, какова-то будет обещанная "воля". Об этом прямо говорится в стихотворении "Деревенские новости":

Сходится в хате моей
Больше да больше народу:
"Ну, говори поскорей,
Что ты слыхал про свободу?"

Но о "свободе" пока ничего не известно, а деревенская жизнь, как всегда, полна своих нехитрых и нерадостных событий - в Ботове валится скот, пастушонка убило громом, сгорели две деревни...

Попав в родные места (летом 1860 года он гостил в Грешневе), поэт узнает эти новости от старых своих друзей, бывших товарищей детских игр, про которых он имел право сказать: "Что ни мужик, то приятель". Они-то и хотят услышать от него рассказы "про свободу".

"Деревенские новости" примечательны своей автобиографичностью, о которой напоминают не только географические названия (Качалов лесок, Красные горки), но и прямое свидетельство Некрасова: в позднейших набросках автобиографии он привел стихи из "Деревенских новостей", чтобы подтвердить короткость, которая издавна сложилась между ним и грешневскими крестьянами. Весь мир "стихотворения - крестьянский. Все другие темы и отношения отсюда намеренно исключены. Этим определяются его лиризм, мягкость интонаций, даже некоторая идилличность, хоть это понятие и очень мало подходит к Некрасову. Поэт радуется знакомым местам, где прошло детство, его умиляют и веселый летний дождь, и "милая эта дорога", и "теплого колоса пар", но больше всего новая встреча с грешневцами:

- Останови же лошадок!
Видишь, из каждых ворот
Спешно идет обыватель.
Все-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.

Приезжий меньше всего похож на помещика, вернувшегося в усадьбу. Свой дом он, зазывая гостей, даже называет хатой (может быть, из нежелания подчеркивать свои преимущества перед теми, кто живет в избах и хатах). Приезжему без церемоний выкладывают все новости (кстати, куда менее горестные, чем, например, в "Знахарке"); кума показывает ему крестника Ваню, а он не забыл привезти для него игрушку; земляки как родные сокрушаются, что столичный житель плохо выглядит:

Вишь ты лядащий какой,
Мы не таким отпускали:
Словно тебя там сквозь строй
В зиму-то трижды прогнали.

По всему видно, что среди мужиков этот горожанин свой, между ними достигнута полная близость, взаимное понимание. После этого уже не кажется странным доверительный вопрос, увенчивающий стихи: "Что ты слышал про свободу?"

К предреформенному времени относится и стихотворение "На Волге", также навеянное впечатлениями родных мест. Здесь Некрасов коснулся одной из мрачных сторон крепостнической действительности - бурлачества. Совсем недавно, в "Размышлениях у парадного подъезда" уже прозвучала эта тема: "Выдь на Волгу: чей стон раздастся над великою русской рекой?" Теперь поэт обратился к воспоминаниям детства, проведенного "у берегов большой реки", и рассказал о том, как его привязанность к Волге, к ее вольным просторам еще в те годы была омрачена зрелищем тяжкого труда бурлаков. Их "мерный похоронный крик", стоны и жалобы навсегда оставили след в душе и памяти подростка.

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Но вот прошли годы, и герой стихотворения снова на волжском берегу увидел прежних измученных бурлаков:

Все ту же песню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,

В чертах усталого лица
Все та ж покорность без конца...

Теперь эта вечная покорность судьбе вызывает уже, не только сострадание, но и возмущение, чувство протеста. Потому-то, обращаясь к бурлаку, поэт восклицает!

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

В этих словах - и призыв и лозунг, выражающий! мечту лучших людей о пробуждении народа. Сходный мотив звучит и в небольшом наброске "На псарне": здесь говорится о тех, кому не нужна воля, кто свыкся с бесправным своим положением. "Нашто мне воля? куда я пойду?" - спрашивает старик всю жизнь просидевший на барской псарне и не умеющий работать ("Хлеб добывать не умею").

Так, с разных сторон и по-разному отражалась в некрасовских стихах острейшая проблема эпохи - подготовка к отмене крепостного права.

* * *

И вот наконец этот день наступил. 6 марта 1861 года в газетах был опубликован царский манифест от 19 февраля об освобождении крестьян. Утром этого дня Чернышевский пришел к Некрасову и застал его еще в постели (Некрасов вставал поздно и часто работал лежа). В правой руке он держал газету с манифестом. На лице, вспоминая Чернышевский, выражение печали, глаза потуплены, настроение явно подавленное. Увидев вошедшего, он встрепенулся, поднялся на постели, скомкал газетный лист и с волнением сказал:

- Так вот что такое эта воля! Вот что такое она! - И продолжал говорить, изливая свое негодование.

Когда он остановился перевести дух, Чернышевский сказал:

- А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будет именно это.

- Нет, этого я не ожидал, - отвечал Некрасов. - Разумеется, ничего особенного я и не ждал, но такое решение дела далеко превзошло мои предположения.

Так описал Чернышевский этот разговор в своих поздних "Заметках" о Некрасове. А в другой раз, в беседе с Л. Ф. Пантелеевым, он передал те же слова Некрасова еще более резко и, вероятно, более точно: "Да разве это настоящая воля?! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами". Некрасов, по словам Николая Гавриловича, был так взволнован, что ему пришлось успокаивать его.

В то же время в официальной печати в либерально-дворянских кругах, в салонах и гостиных манифест вызвал приступы восторга. Александра II немедленно возвели в сан освободителя. Аполлон Майков в сусальных стихах описывал, как ликует деревня. Катков, редактор "Русского вестника", писал: "Великое, величайшее слово в русской истории произнесено".

Тургенев узнал новость, находясь в Париже; в одном из писем он рассказал, как в русской посольской церкви по этому поводу отслужили молебен; кроме самого писателя, присутствовало много русских, в том числе бывшие декабристы - Николай Иванович Тургенев (он "плети рабства" ненавидел, писал о нем Пушкин) и князь Сергей Григорьевич Волконский, недавно возвращенный из Сибири. После молебна "все друг другу пожимали руки и громко хвалили и превозносили царя. Дай бог ему здоровья и силы продолжать начатое!" - так писал Тургенев из Парижа 14 марта 1861 года.

Конечно, отмена крепостного права была уступкой, которую "... отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска" {В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 33.}. И репрессиями, и уступками "... правительство защищалось от натиска революционной "партии" {Там же, стр. 28.}. И тем не менее падение системы рабства, права владеть людьми, само по себе не могло не восприниматься как крупное событие в жизни страны. И не удивительно, что первое известие об этом произвело впечатление и на автора "Записок" охотника", и на старых декабристов, многим пожертвовавших во имя дела освобождения.

Лишь немногие в то время (если исключить круг "Современника") поняли истинный смысл реформы, ее половинчатый, антинародный характер. И никто, кроме Некрасова, не воскликнул с горечью: "Народ освобожден, но счастлив ли народ?"

Разное отношение к реформе резкой чертой отделяет Некрасова и демократический "Современник" от либерально-дворянских слоев общества. История в ближайшие же годы показала, кто был прав. Волнения и мятежи в де; ревне, вспыхнувшие с новой силой, были ответом на освобождение крестьян. Уже в апреле силой оружия были подавлены восстания в селе Бездна Казанской губернии, в селе Кандеевка Пензенской губернии.

Как же откликнулся на объявление манифеста некрасовский "Современник"? Преимущественно демонстративным и многозначительным молчанием. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что руководители "Современника" "умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов..." {В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 251.}.

В запоздавшем мартовском номере журнала (он получил цензурное разрешение только 26 марта и вышел в свет 1 апреля) появились официальные материалы (их поместили в конце номера!), а отсутствие славословий по поводу манифеста было специально разъяснено во "Внутреннем обозрении" (его вел в это время публицист Г. З. Елисеев, вскоре ставший одним из руководителей журнала). "Вы, читатель, вероятно, ожидаете, - говорилось в обозрении, - что я поведу о вами речь о том, о чем трезвонят, поют, говорят теперь все журналы, журнальцы и газеты, то есть о дарованной крестьянам свободе. Напрасно. Вы ошибаетесь в ваших ожиданиях. Мне даже обидно, что вы так обо мне думаете". Дальше следовало рассуждение о том, что солидный обозреватель не обязан гоняться за всеми повестями...

В этом же номера читатели прочли "Песни о неграх" Г. Лонгфелло в переводах М. Л. Михайлова, руководившего в это время иностранным отделом журнала. Эти песни об ужасах рабовладельчества, о стремлении невольников вырваться на свободу нельзя было иначе воспринять как замаскированный отклик на положение "наших домашних негров". Одна из песен, заключающая весь цикл, содержала грозное предупреждение:

Самсон порабощенный, ослепленный
Есть и у нас в стране. Он сил лишен,
И цепь на нем. Но - горе! если он
Поднимет руки в скорби исступленной
И пошатнет, кляня свой тяжкий плен,
Столпы и основанья наших стен...

А вслед за переводами Михайлова шла статья В. А. Обручева "Невольничество в Северной Америке"; здесь с помощью убедительных примеров читателю внушалась мысль, что тяжкая жизнь негров под плетью плантаторов неминуемо приведет к восстанию ради "великой идеи", ради "священных прав", а в рядах восставших найдутся люди, которые будут ими руководить. Среди материалов "Современника" этого времени выделяется поэма Тараса Шевченко "Гайдамаки" (она появилась в русском переводе П. Гайдебурова). Картина крестьянского восстания на Украине XVIII века, с большой силой воссозданная в поэме, не случайно привлекла внимание Некрасова: в дни, когда началось усмирение бунтующих мужиков, ждавших "полной воли" и не получивших ее, поэма вдохновенно рисовала народный бунт, звала к восстанию. Особое звучание "Гайдамакам" на страницах "Современника" придавала недавняя смерть поэта-кобзаря. Сильно взволнован был ею и Некрасов, видевший

в Шевченко подлинно народного поэта, хорошо знавший его трагическую судьбу. Некрасов любил поэзию Шевченко, близкую его собственным творческим исканиям. Народные поэмы украинского певца предшествовали работе Некрасова над поэмами из крестьянской жизни, они оказали влияние на становление образа русской женщины-крестьянки, героини лиро-эпических полотен, созданных Некрасовым в 60-е годы. Одну из шевченковских поэм, "Наймичку" (в переводе А. Плещеева, озаглавленном "Работница"), Некрасов напечатал в "Современнике" еще при жизни автора. Героиня этой поэмы Ганна явилась в его глазах "величайшим идеалом материнской любви".

Последние годы жизни Шевченко провел в Петербурге. Поэт принимал участие в подпольно-революционной работе, принадлежа к "партии Чернышевского". Весь облик украинского поэта-бунтаря, его многострадальная жизнь, его связь с народными "низами" и нескрываемая ненависть к самодержавию привлекали деятелей "Современника", в том числе и Некрасова. Дружба Шевченко с Чернышевским, Михайловым, братьями Курочкиными, С. Сераковским - свидетельство единения русской, украинской и польской революционной демократии.

Некрасову случалось выступать вместе с ним на вечерах Литературного фонда, где украинского поэта встречали, по словам очевидцев, долгими овациями. Бывал Шевченко и в редакции "Современника".

10 марта 1859 года Шевченко, по-видимому приглашенный Чернышевским, присутствовал на обеде в честь актера А. Е. Мартынова, устроенном редакцией "Современника"; здесь Некрасов, знавший юбиляра еще с начала 40-х годов, когда тот играл в его водевилях, прочел стихи "Со славою прошел ты полдороги...", где были такие слова:

Свободную семью людей свободных
Мартынов вокруг себя в тот день соединил!

В эту семью входил и Шевченко.

Из автобиографии Шевченко, включенной Добролюбовым в рецензию на сборник "Кобзарь" (1860), стало известно, что родные поэта - два брата и сестра с детьми - находятся в крепостной неволе, являются собственностью помещика Флиорковского. Хлопоты поэта об их освобождении были безуспешны. В дело вмешался недавно основанный Литературный фонд, где на заседании комитета 21 марта 1860 года Тургенев поднял вопрос о необходимости содействовать освобождению родных Шевченко.

Под таким неожиданным давлением помещик вынужден был дать согласие, но поставил условием освобождение без земли. Шевченко не советовал родным соглашаться на "такую поганую безземельную волю". Некрасовский "Современник" выступил в поддержку этой позиции, тем самым еще раз показав свое отношение к будущей реформе. В ежемесячном фельетоне "Петербургская жизнь" (август 1860) Панаев опубликовал все материалы, относящиеся к этой истории (в том числе два письма Флиорковского), и в заключение заметил: "Несогласие семейства Шевченко воспользоваться предложенной ему свободой - очень натурально. Что за свобода без права выкупа усадеб и полей!.."

И вот, не прожив на свободе даже трех лет, Шевченко умер. Это случилось 26 февраля, за неделю до объявления "воли". Некрасов шел за его гробом, и вместе с ним шли почти все деятели "Современника", шли и многие другие литераторы, художники, журналисты...

Накануне похорон народного певца Некрасов сложил такие удивительные стихи:

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,

Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба, безрассудная,
Вслед затем долгие дни заточения.

Все он изведаль: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармов любезности,
Всё - и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось,
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалась.

Стихи эти, проникнутые горькой иронией, затаенным гневом, не могли увидеть свет при жизни Некрасова. Да он и не пытался их напечатать; он знал, что о своей судьбе изгнанника, о тюрьмах и ссылке в солдаты сам Шевченко не мог упомянуть даже в автобиографии. Поэтому только много лет спустя, в последние месяцы своей жизни, больной Некрасов продиктовал по памяти эти строки сестре Анне Алексеевне.

Еще до этого Некрасову представился случай высказать свое мнение о поэзии Шевченко. В 1871 году он выступил с речью в Петербургском окружном суде, где рассматривалось дело об издании "Кобзаря". Некрасов был приглашен в качестве эксперта по поводу спора, возникшего между двумя издателями книги; их спор мог бы привести к нарушению цельности "Кобзаря", к отделению той его части, которая была издана до ссылки, от стихов более позднего времени. Считая, что такое разделение нанесет ущерб наследию поэта, Некрасов обосновал в своей речи мысль о "тесной внутренней связи" между всеми стихотворениями Шевченко:

"... Шевченко был поэт глубоко и исключительно национальный, специализовавшийся для себя отдельную область, воспроизведению которой он посвятил всю свою жизнь и из которой не выходил ни однажды; именно задачей его поэзии было изображение народной жизни родной ему Украины, и в этом смысле все пьесы родственны, поясняя, дополняя друг друга и представляя в целом "жизнь-бытие того общества, среди которого ему суждено было родиться, работать, думать, терпеть и страдать..." Исключение какого-либо стихотворения из изданий его произведений неизбежно отразилось бы на читателе в ущерб его пониманию..."

Вернемся теперь к положению "Современника" в начале 60-х годов. Чем напряженнее становилась обстановка в стране, тем усерднее преследовала его цензура. Но тем успешнее овладевал журнал эзоповым языком. Множество разнообразных параллелей и намеков, иногда прямых, чаще скрытых, понятливый читатель находил почти во всех журнальных материалах. Даже издававшие виды цензоры нередко становились в тупик перед изобретательностью авторов; они могли запретить статью или сократить ее вдвое, но они вынуждены были признать свое бессилие в борьбе с самым направлением и духом "Современника". Причины этого бессилия раскрыл председатель Петербургского цензурного комитета барон Н. В. Медем, которого Некрасов называл не иначе как "скотиной, да еще не простой, а австрийской". В октябре 1861 года Медем жаловался своему начальству: "Сколько бы цензура в подобном журнале ни старалась о зачеркивании и смягчении предосудительных мест, ей никогда не удастся уничтожить в нем все следы и всякое проявление того духа, который предгосподствовал при выборе и составлении статей. Неизгладимые эти следы заключаются во множестве мелких частных, которые в отдельности кажутся позволительными и

безвредными, но в совокупности... явно обнаруживают предосудительность общего направления и делаются вредными".

Эти слова позволяют понять, почему в то горячее время к "Современнику" все чаще предъявляли требование "переменить направление", угрожая в противном случае полным запрещением журнала. И запрещение было не за горами, потому что переменить направление журнал Некрасова не мог.